
 КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

София Синицкая. Черная Сибирь: Роман. СПб., Лимбус-Пресс, Издательство К. Тублина, 2023. — 224 с.

Софья Синицкая обращается к самой острой теме современности, еще не получившей широкого осмысления в литературе — она пишет о событиях на Украине. Пишет в своей манере, сочетая трагическое и смешное, реальное и фантазмагорическое, ад и рай. Пишет, чтобы найти ответ на волнующие ее экзистенциальные вопросы. «Кто мы, куда идем, зачем это все, когда поумнеем? Почему человек не меняется, не растет над собой? Почему опыт предыдущих поколений ничему не учит? Почему наша память такая короткая?» Пишет, пытаясь понять, в чем причины братоубийственной войны и есть ли из нее выход? Это густонаселенная книга, где почти каждый герой высказывает свою точку зрения на происходящее, эти мнения порой противоречат, порой дополняют друг друга. Заглавие романа отсылает к «Полдневной песне» Бодлера: «Черной Сибири» поэт называет состояние депрессии, меланхолии. Один из героев романа, француз Гастон, заурядный служащий медиатеки, где он бездумно пялился в экран и перебирал бумажки, стремясь избавиться от экзистенциальной тоски под названием «Черная Сибирь», бежит на юго-восток Украины, надеясь в зоне военных действий найти смысл жизни. Толчком для такого решительного шага стало знакомство со Славиком из Запорожья, лысым силачом с татуировкой. Общались на сносном английском. «Гастон не говорил Славiku про свои душевные проблемы и Черную Сибирь, зато произвел большое впечатление рассказом про испанского деда — офицера Голубой дивизии, который сгинул в 1942 году в новгородском болоте. Весной, когда российские танки заездили по Украине, Славик сказал Гастону, что самое время „отправиться в кораль сводить счеты“, „воздать азиатским ордам за смерть благородного дона“». Гастону хотелось стать героем, а Славик желал отомстить за бабушку, погибшую у себя в доме от снаряда. На Украине они присоединились к бойцам теробороны, участникам вялотекущих боев за поселок Сироткино, занятый «компатриотами», сторонниками ДНР. Отряд украинской теробороны возглавлял Сергей Кондратюк, противостоял ему родной брат, Алексей Кондратюк. Потомки танкового аса, Героя Советского Союза, братья поцапались после 2014 года. Серега сказал, что дед был бы за независимую Украину, а Леха считал, что знаменитый танкист служил бы только России. Гибель внушки Лехи от украинского снаряда сделала примирение невозможным. Братья Кондратюки, когда-то единый вокальный дуэт, гордость музыкальной школы своего села Сироткина, теперь утюжили родное село. «Серега командовал ведением огня. Летело в его собственный дом и огород, на кладбище, взрывая могилы родных покойников, в музыкальную школу, где он учился и блистал с братом Лехой... Серега смотрел на столбы дыма над поселком и просил небеса, чтобы ждуны и предатели умерли, а все прочие успешно выжили в подвалах». А любимая учительница, семидесятилетняя певица, кричала с балкона: «Мальчики, остановитесь. Сережа, Алеша...» Братья единственные, которым С. Синицкая не дает слово в своем романе, где с обильными ссылками на историю, философию и кино философствуют все, обсуждая вопросы национального самосознания, причины войны. Гастон и Славик в своих беседах обращаются к «Тарасу Бульбе» Гоголя, к Достоевскому, к роману-притче «Татарская пустыня» ита-

льянца Д. Буццати, к «Моби Дику» Мелвилла. Славик объясняет Гастону, чем бойцы теробороны отличаются от русских. И выдает весь набор клише, внушенных жителям Украины. «Всем, Гастон, абсолютно всем. И не от русских. От рашистов! Мы: я, Серега, да почти все, кого ты здесь видишь, — русские. То есть настоящие. А они не русские, они рашисты, мокша и орда... дикие племена, зародившиеся на финских болотах». Славик уверен, что Украина станет главной страной в Европе, что Киев — это Новый Иерусалим, место особой силы, источник света, окошко в небо для Берлина, Вашингтона и всего человечества. Проблема Славика в том, что ему не вытравить память о советских кино- и мультфильмах, на которых выросло его поколение. «Иду воевать с русней, а в душе играет музыка Артемьева...» Да и проблема с русским языком: «...в наших головах его непросто упразднить. Одними словами думаем с москалями, это же неправильно». А Гастон не может понять, как в славянах (у Славика) уживаются столь разные умозаключения и татуировки. «На тебе и свастика, и купола православные, и руны, и козел. Читаешь советские стихи, вспоминаешь героических танкистов, при этом проклинаешь русню. Хотя ты этнический русский». Братскую вражду Славик объяснил так: подались на провокации адских спецслужб. Проблему противостояния русских и украинцев Гастон обсуждает со швейцарским монахом Бернаром, выполняющим на Украине обет откапывать и хоронить погибших. Бернар считает, война русских с русскими — «адский замес, где все перепутано: история, генетика, церковь, политика, и, главное деньги». «Это циничная империалистическая война по захвату портов и плодородных земель. Антинародная. Простолюдину здесь ничего не достанется. Все богатые и сильные хотят урвать кусок пожирнее, для этого стравливают бедняков, морочат им голову высокими идеями... миром правит Дьявол... Вас лукавые заставляют драться, чтобы проще было ресурсами барыжить». Своя точка зрения на войну у фермера Бороха, чья семья уехала от войны в Польшу, а он остался следить за хозяйством. «Американцы очень хитрые, нашими руками российскую армию крошат, из-за океана шоу смотрят и радуются, чипсами хрустят. — Они вам помогают, — неуверенно возразил Бороху Гастон. — Это только потому, что им выгодно. Их цель — отжать. Они потомки колонистов, отжать — это у них в крови. — Что они отжимают? — Все, что плохо лежит». Спорят французы Гастон и Катар, воюющий на стороне «компатриотов», о том, какую свободу они защищают и защищают ли или душат. Даже спасенные Борохом Свинья и Козел рассуждают о корнях, об истории, о государстве и личности, о семейных ценностях и высоких государственных идеях, о либеральных ценностях и об одураченных маленьких людях. С. Сеницкая приводит весь существующий сегодня спектр мнений о конфликте на Украине. Много героев, много противоречивых мнений, реалистичных и лубочных штрихов, картинок. В огне войны гибнут фактически все, по принципу смерть за смерть, вечное отмщение. И все-таки в единый пазл эти фрагменты правды и выдумки пока не складываются. Похоже, что на важные для нее вопросы С. Сеницкая ответ не нашла. Возможно, потому, что, как сказала она в одном из интервью: «Смыслы жизни лежат, наверно, в других, недоступных, системах координат, на пыльных, заколоченных чердаках мироздания».

Евгений Белодубровский. Мы жили на Желябке. Опыты ленинградской задушевной прозы. СПб.: Реноме, 2023. — 168 с.: ил.

Точная и емкая характеристика новой книги Евгения Белодубровского (род. 1941), библиографа и краеведа-старателя, уже дана: «по деталям и по крупницам <автор> восстанавливает недавнее прошлое, советское, эмигрантское, предреволюционное, частью

забытое, по большей части искаженное» (Д. Синочкин, журнал «Пригород»). И в первую очередь в своих воспоминаниях Е. Белодубровский, искренне веря, что его судьбу предопределило само место рождения, возвращается туда, где он родился и вырос. «Дворовый мальчик, я с самого детства мечтал быть писателем или ученым. Ибо родился и вырос в самом центре, в Нобелевском Доме, на самых углах Большой Конюшенной, Невского и Мойки, вблизи „Демутова трактира“, Конюшенной площади, Шведского переуллка, Эрмитажа и того самого дома, где в снятой наспех квартире, окнами на грязный каретный двор и на сарай, весь в долгах и малых детях на чужом протертом топчане среди любимых книг умер великий Пушкин... Там же, на тех же углах, берегах и каналах жили сверстники, поклонники, друзья и недруги Ахматовой и Зощенко, Тынянова, герои Гоголя, Герцена, Достоевского, Константина Вагинова и бессмертного Осипа Мандельштама (все вкуче мои будущие герои, мои арлекины)». И он стал: стал писателем, историком литературы, исследователем творчества Набокова. Е. Белодубровский бережно воссоздает свою былую среду обитания. В маленькой повести «Мы жили на Желявке», начинающейся буднично и страшно: «Мы жили на Желявке, угол Невского, напротив аптеки. В наш дом попала бомба и убила дворничиху Поленову, мамину сменщицу. Кусок этой бомбы (снаряда) застрял в стене нашего подвала под черной лестницей. Сначала мы, дети, его боялись, а потом привыкли». К прошлому обращается в оде задворкам Казанского собора, где было кольцо 34-го трамвая (кто теперь это помнит?) и куда в детские годы не раз отправлялся автор со своей подружкой («Следующая остановка — „Банковский мост“»). Автор помнит старинную, почти ровесницу Петербурга, названную в честь Петра Великого, школу Петершulte в проходном дворе между Большой и Малой Конюшенными и Шведским переулком. Там он учился, там он, чернявый, вертлявый, куче-кучерявый, в завитках-колечках, похожий на арапа мальчуган по прозвищу Пушкин, в 1954 году читал со сцены актового зала стихотворение К. Чуковского «Ленинградским детям» («Бескозырка»). Этот мальчик, конечно, не знал, когда получил на свои девять лет в подарок от мамы «Хижину дяди Тома», что много позже подружится с автором рисунков в этой книге, художником и художественным редактором журнала «Нева» Б. Семеновым, который по его наущению напишет воспоминания о Хармсе, Филонове, Алейникове. А еще обнаружит, что автор предисловия к книге из серии «Библиотека школьника» сам Е. Эткинд, наставник многих его сверстников. Е. Белодубровский — поистине счастливый человек: он знает свою родословную, у него даже сохранились дореволюционные семейные фотографии, представленные в книге. И в «Крылатой повести-рассказе с колес о дедушке Схиме из Дубровников бывшей Витебской губернии в ответ на письмо правнука знаменитого сыровара из Бобринцов бывшей Винницкой губернии и к тому же носящего усы» внук рассказывает о своем дедушке. Рассказывает сочно, колоритно, с доброй иронией — о своем деде, внуке цадика и сыне меховщика, который, когда родители, рабай (раввин) и православный батюшка не позволили пожениться ему и его православной возлюбленной, бросил родных и стал «шадхуном», свадебщиком, попросту сватом, и первым мужчиной в этой профессии. А в середине жизни — семейным фотографом, мастером высокого класса, странствующим по городам и весям: Казань, Харьков, Бобруйск, Ковно, Гомель. И белорусский городок Дубровник, где говорили на пяти языках (белорусский, идиш, русский, польский, литовский), где соседствовали две синагоги, костел, хедер, реформатское училище, православная церковь. Белодубровский рассказывает о дореволюционном быте еврейских общин и кипевших там матримониальных страстях. Вторая составляющая книги — литература и люди литературы. Полны любви и уважения воспоминания о встречах и беседах с переводчи-

ком английских поэтов-классиков (в частности, Д. Китса) поэтом-лириком и эрудитом С. Сухаревым, с источниковедом и историографом Б. Кагановичем. А еще о совместных работах, исследованиях, поисках, открытиях, благодаря которым исчезали темные пятнышки в биографиях Тургенева, Некрасова, Ольденбургов. И как вишенка на торте — удивительно красивая новелла «Владимир Набоков, Джойс, Пруст и Машенька (Из путешествия по Нью-Йорку)», которая строится на упоминании В. Набокова в письме к жене о случайной встрече Джойса и Пруста: «Джойс встретился с Прустом однажды, и то случайно. Они ехали в одном такси. Джойс закрыл окно, а Пруст его открыл, после чего они едва не поссорились. В общем, тоска... Абстрактные каламбуры, глагольный материал, тени слов, болезни слов...» (24 февраля 1936). Е. Белодубровский реконструирует эту встречу, случившуюся то ли в Берлине, то ли в Париже, и превращает дружелюбную игру двух писателей с листиками, былинками и веточками, которыми забросал их неожиданный порыв ветра, в размышления о глубинных связях Набокова, Джойса и Пруста. А затем увидит своих героев на шестом этаже многоэтажного книжного супермаркета на Манхэттене, где со стен на разномастную публику снисходительно смотрят «лики классиков мировой литературы и поэзии — от античности до наших дней, исполненные раскидистой живописной пастелью в стиле „граффити“ с обложек устаревших хрестоматий, энциклопедий, открыток, почтовых марок, календарей. И все в полном беспорядке». Среди этих ликов — и В. Набоков, «медведь, прямо зверюга, меховая шапка-треух, тулуп, крестьянский нос, пермяк — солены уши, весь коричневый, взгляд горький, сумрачный, угрюмо-тоскливый, смотрит в сторону как с бодуна, узнаваем на все сто, но дворянской косточки ну ни на йоту, шиш...» И «очкарик Джойс в зеленой шляпке с перышком набекрень; Пруст тоже недалеко ушел, худосочный чернявый (зачем-то в медальоне) с горящим печальным взором и на макушке беретик с помпоном». А все вместе — светлая, мозаичная картина, собранная из рассказов, связанных воедино задушевной тональностью и добрым взглядом в прошлое.

Феликс Лурье. Работники Серебряного века. СПб.: ООО «Издательство „Штамп“», 2023. — 288 с.: ил.

«Мы привыкли отождествлять Серебряный век с С. Дягилевым, издателем журнала „Мир искусства“ и организатором Русских сезонов, музыкой И. Стравинского, великими театральными деятелями, талантливыми художниками „Мира искусства“, блистательными архитекторами и инженерами начала XX века, молодой поэзией, плеядой выдающихся экономистов и философов. Их знают, о них, творцах Серебряного века, много написано... Но есть скромные работники Серебряного века, талантливые, знающие, куда более образованные, чем многие творцы, не все были известны тогда, о многих забыли. Отыскивая, сохраняя, описывая, демонстрируя выдающиеся достижения предшественников, они просвещали и вдохновляли творцов русской духовной культуры, содействовали их творчеству, вселяли гордость за Отечество, создавали почву просвещенного патриотизма. Без их труда мы не увидели бы доминанты русской духовной культуры начала XX века, их заслуги несколько не ниже заслуг творцов Серебряного века. Они не извлекали выгоду из своих поступков и действий, наоборот, все их предприятия были дотационными. Ими двигали любовь к Отечеству и стремление к недостижимым ранее результатам. Их деятельности посвящена эта книга», — пишет Феликс Лурье. Но прежде чем перейти к рассказу о просветителях Серебряного века, Ф. Лурье, известный историк, библиограф, писатель, совершает экскурс в исто-

рию христианской Европы, западной и русской, православной, обозначая доминанты (ренессансы, возрождения) духовной культуры, оставившие заметный след в их развитии. Одной из таких культурных доминант русского государства был Серебряный век. Автор отмечает, что активный рост духовной культуры начинается «открытием» достижений предшественников, о которых общество в силу разных обстоятельств оказалось в неведении. В конце XIX—начале XX века русское общество имело смутное представление не только о своем национальном искусстве XVIII века и ранее, но даже и первой половины XIX века. Для роста духовной культуры требовался толчок. «Случайным вдохновителем Серебряного века» Ф. Лурье называет правоведа и искусствоведа Д. Ровинского (1824—1895), автора капитального труда «Подробный словарь русских гравированных портретов» (1872). В четырех томах дано описание 16 тысяч портретов из императорских учреждений (Публичная библиотека, Эрмитаж, Академия наук, Академия художеств, Московский университет) и частных коллекций. Искусствоведческие описания дополнены биографиями изображенных на портретах лиц. Художественные выставки стали важной частью просветительской работы. «Подробный словарь...» Ровинского вдохновил на изучение портретной живописи Н. Врангеля (1880—1915), ему, почти подростку, в 1902 году удалось организовать выдающуюся выставку русского портрета 1700—1850 годов и составить превосходный каталог. Помогал ему А. Бенуа. В эпоху Серебряного века наряду с огромным числом небольших выставок (только в Эрмитаже за 1898—1914 годы состоялась 41 выставка) прошли и три грандиозные. Выставка русского портрета, организованная Дягилевым в Таврическом дворце (1905); историческая выставка архитектуры и художественной промышленности в залах Академии художеств, включающая работы величайших зодчих двух «петербургских» веков и художественно-бытовой материал (1911); внушительная экспозиция «Ломоносов и елизаветинское время» в залах Академии художеств (1912). Ф. Лурье подробно рассказывает обо всех значительных выставках и их организаторах, приводит яркие отклики современников, воспоминания, отзывы в прессе. И все-таки ведущими в просветительской деятельности были не выставки, а журналы: «Мир искусства», «Золотое руно», «Старые годы», «Аполлон», «Художественные сокровища России», «Столица и усадьба», «Былое». Эти журналы выполняли разные задачи, то дополняли друг друга, то конкурировали. В одних отдавалось предпочтение прозе и поэзии, другие рассказывали о наиболее выдающихся памятниках русского искусства: дворцах, старых дворянских усадьбах, коллекциях живописи. Подчас в журналах работали один и те же люди, писатели, поэты, художники. И какие! Дягилев, Бенуа, Блок, Бакст, Лансере, Сомов... Ф. Лурье подробно рассказывает и о содержании журналов, об их издателях и сотрудниках. Активно занимались издательской деятельностью и изыскательской работой кружки: Кружок любителей русских изящных изданий, главной целью которого было содействие поднятию художественного уровня российской печатной продукции; Императорское Русское историческое общество, занимавшееся выявлением, собиранием, обработкой и публикацией документов по русской истории. Важным событием стало открытие в 1912 году в собственном доме графа В. Зубова на Исаакиевской площади по инициативе и на средства владельца Института истории искусств (был национализирован в 1919 году). Но о чем бы ни рассказывал Ф. Лурье, он всегда повествует о людях, деятельных и талантливых бескорыстных подвижниках, влюбленных в русское искусство. Биографии, труды, живые люди с достоинствами и недостатками, особенности межличностного отношения... Какие сложные судьбы! Два брата Врангели, внучатые племянники Пушкина, Николай и Петр вместе росли в окружении предметов искусства, излучавших заворачивающую кра-

соту и таинственность. Один, Николай (1880—1915), стал искусствоведом, другой, Петр (1878—1928), — руководителем Белого движения на юге во время Гражданской войны. В 1919 году был расстрелян великий князь Николай Михайлович, возглавлявший Императорское Русское историческое общество с 1909-го по 1917 год. По приговору тройки ОГПУ за участие в несуществующей монархической группировке расстрелян в 1931 году П. Вейнер, петербургский искусствовед, редактор-издатель журнала «Старые годы», создатель Музея Старого Петербурга. Благополучно вписался в новую жизнь живописец и искусствовед И. Грабарь (1871—1960). Оценивая короткий период Серебряного века для российской культуры как самый успешный, Ф. Лурье пишет, что в 1917 году «накопленная столетиями великая русская культура была безжалостно разрушена большевиками, прервалась преемственность поколений, произошла варваризация масс». Книга оригинально оформлена: на полях помещены пронумерованные иллюстрации уменьшенных размеров, отсылка к этим иллюстрациям — соответствующие номера есть и в самом тексте, отправляя читателя в конец книги, где находятся эти же иллюстрации в обычном размере. Кроме того, из использованных автором в этой работе книг отобрано 11. Все они из-за чрезвычайной редкости труднодоступны, поэтому в издательстве их отсканировали. Бесплатный доступ к этим изданиям читатель может получить при считывании QR-кода смартфоном. Сведения об авторах и сканированных книгах приведены.

Николай Гуданец. Певец свободы или гипноз репутации:

Очерки политической биографии Пушкина (1820—1823).

М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 292 с.

Николай Гуданец восстал против корифеев-пушкинистов (в подтексте — конформистов, среди которых Ю. Лотман, Н. Нечкина, Н. Эйдельман...), которые десятилетиями создавали и поддерживали «миф» о том, что Александр Пушкин всю жизнь боролся за политическую свободу. И хотя в стихотворении «Сеятель» (1823) поэт в порыве отчаяния обвиняет «мирные народы» в отсутствии у них потребности в свободе («Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы?»), согласно мифу своим либеральным убеждениям поэт никогда не изменял. Традиционно считается, что именно в южной ссылке поэт испытал мировоззренческий кризис, вызванный поражением европейских революций и наступлением российской реакции, своеобразным маркером которого и стало это стихотворение. Открытие состоит в том, что кризис, из-за которого поэт навсегда отказался от юношеского вольнодумства, случился до написания «Сеятеля», во второй половине 1822 года (время кризиса принципиально важно для концепции автора), и был вызван иными причинами, а само стихотворение — циничная поделка, изготовленная с корыстными целями. Н. Гуданец почти две трети текста сохраняет напряженную интригу, постепенно подводя к ответу-открытию, призванному сокрушить все наработки предшественников. Он подробно рассказывает о «среде обитания» поэта, связанного дружескими отношениями с членами тайного общества (будущими декабристами) и масонами, среди которых были генералы М. Орлов и П. Пущин, полковник П. Пестель, майор В. Раевский. Постепенно Н. Гуданец подводит к выводу, что причиной мировоззренческого кризиса Пушкина стала не большая политика, а вполне конкретные события: разгром масонской ложи «Овидий» в конце 1821 года, арест В. Раевского, отстранение М. Орлова от командования дивизией, приказ об отставке П. Пущина в начале 1822-го. Истинная

причина, утверждает автор, по которой поэт отказался от вольнолюбивых взглядов, — это испуг, глубочайший страх перед властями, на всю оставшуюся жизнь угнездившийся в душе напуганного призраком тюрьмы поэта. Во время южной ссылки молодой «певец свободы» перевоспитался и перестал письменно и устно высказываться в противном правительству духе. «Ему стало по-человечески страшно». Рефреном — сначала исподволь, а потом и открыто, назойливо — проводится мысль о капитуляции поэта перед деспотизмом и поисках им благовидного самооправдания. А так как современники поэта в своих воспоминаниях о Пушкине-дуэлянте (известно два с половиной десятка дуэльных историй поэта) свидетельствуют о редкостной храбрости поэта во время поединков, то Н. Гуданец, ссылаясь на историю декабристов и сталинских полководцев, пытается обосновать, что можно быть редким храбрецом на войне и дрожать в страхе перед «госбезопасностью». По всей книге раскиданы уничижительные оценки, данные Пушкину: инфантильное поведение, неадекватно завышенная самооценка, чудовищное самолюбие, расчетливый и циничный, лукавое «солнце нашей русской поэзии». Из-за болтливости поэта, а не для того, чтобы уберечь его, Пушкина не приняли в тайное общество. «Явные мотивы зависти несостоявшегося героя к славной судьбе своего поэтического вдохновителя» (Байрона). «„Тьмы низких истин мне дороже / нас возвышающий обман...“ — написавший это автор прежде всего нуждался именно в возвышении той боязливой фигурки, в которую бездушная государственная машина превратила некогда буйного „певца свободы“». Н. Гуданец предлагает свой построчный разбор стихотворения «Сеятель» и, отдавая должное поэтическому таланту Пушкина, правит Пушкина, «восстанавливает смыслы», считая, что «поэт просто не подумал хорошенько над тем, что у него написалось», а то и жертвовал смыслом ради тонкой, соразмерной, завораживающей звукозаписи. Подчеркивает, что именно в этом стихотворении появилась тема «толпа и поэт», которую Пушкин впоследствии перепевал всю жизнь, отделяя «свою уникальную отважную личность от толпы „трусливой сволочи“». Н. Гуданец считает, что «Сеятель» был написан на скорую руку и расчетливо направлен в письме А. И. Тургеневу как поэтическое свидетельство отречения от бунтарства. А иначе как объяснить, что проникнутое христианским духом стихотворение соседствует в Первой масонской тетради с письмом к Вигелю, где скабрзные шутки и рекомендации гомоэротического характера сочетаются с религиозными кощунствами, глубокомысленно вопрошает Гуданец. А может, поэт набрасывал строки на том, что было под рукой? Вероятно, возможно, остается предположить, разумеется, мог, но... косвенно угадывается. А если не так? Иногда Гуданец сам пугается собственных домыслов, подобных этому: шпильки Пушкина в адрес Александра I были вызваны тем, что представители древнего рода Пушкиных имели больше прав на трон, чем выскочки Романовы... И вот главное, ключевое, для чего, кажется, это исследование и замышлялось. «Если слова И. Ильина („Пушкин есть чудеснейшее, целостное и победоносное цветение „русскости“, „национальный воспитатель“, „основоположник русского слова и русского характера“) справедливы и Пушкин воистину является квинтэссенцией „русскости“, нам всем впору призадуматься. Тогда, выходит, в сердцевине нашего национального характера заложено лукавое и опасливое приспособленчество. Может, именно здесь коренятся чудовищные российские катастрофы двадцатого столетия и тот „бесконечный тупик“, в который мы уткнулись в двадцать первом веке?» И еще: «...если Великая Отечественная война — это передовая национальной памяти, то культ Пушкина является последней линией обороны русской идентичности», как пишет в предисловии к книге С. Эрлих, то понятно, что эту линию Гуданец хочет разрушить. Метод автора — факты и логика, воспользуемся им.

Николай Гуданец (1957) — профессиональный филолог, поэт, писатель, живет в Латвии. В 1982 году был завербован КГБ, в 2018-м сведения об этом появились в открытой печати. Н. Гуданец публично признал сотрудничество с КГБ, указав и причину — страх. Вопрос риторический: зачем разоблаченному агенту КГБ, живущему в Латвии, набрасываться на «наше все», которое якобы «является одной из „скреп“ нынешнего режима»? Экстраполировать свои страхи перед властью, свое мироощущение по эту, человеку другой эпохи, другой культуры, другого кругозора другой эпохи? Ради самооправдания, мол, и сам Пушкин, как я, властей убоялся? Доказать свою лояльность властям современным? Судя по откликам, изыскания Н. Гуданца в России сочли неубедительными.

Михаил Алексеев. Русская тема в европейской литературе: Сборник статей и материалов. СПб.: Нестор-история, 2023. — 528 с.

Значительная часть обширного научного наследия академика Михаила Павловича Алексеева (1896–1981), выдающегося отечественного филолога, одного из зачинателей сравнительного изучения литератур, посвящена восприятию русской действительности и русской культуры за рубежом. Исследователя интересовало не только, какой представляли за рубежом Россию, но и то, как, из чего это представление там складывалось: знание русских реалий, вымыслы, слухи, влияние русской литературы. Он делал открытия в области русско-английских, русско-французских, русско-немецких, русско-испанских, русско-итальянских, русско-польских, русско-чешских культурных и литературных связей XVI–XX веков. В сборник включены 23 статьи, создававшиеся на протяжении полувека и объединенные тематикой, интересовавшей академика всю жизнь. Публикацию предваряет статья, в которой В. Багно, ученик М. Алексеева, давая общую характеристику трудам М. Алексеева, обозначает и основные вехи в истории формирования представлений о России и русских в зарубежной литературе, в этих трудах отраженные. Упоминание о Руси и русских нередки в произведениях средневековых немецких поэтов, и М. Алексеев исследует способы германо-славянского обмена эпическим и сказочным материалом на примере творчества немецкого поэта XIV века, тирольца О. фон Волькенштейна (1377–1445). Авантюрист, участник военных походов против язычников на Русь и Литву, он говорил на десяти языках, знал и русский язык. Одно из самых ранних дошедших до нас руководств к изучению русского языка иностранцами (1546) составил Т. Шrove. Пьеса «Великий князь Московский, или Преследуемый император» Лопе де Вега открыла длинный и блистательный ряд произведений мировой литературы, в которых с разных позиций, с того или иного «голоса» (часто иезуитского) трактуются события Смуты, взаимоотношения России и Польши, феномен самозванства. М. Алексеев рассматривает весь длинный ряд западноевропейских пьес, посвященных русской смуте, вызвавшей в католическом мире огромный интерес. По всей Европе выходили брошюры, летучие листки, книги на злобу дня, чьи авторы были весьма осведомлены о событиях в Московии. Европейские политики искали способы употребить в свою пользу тяжелое положение, в котором оказалось Московское государство. С началом активной торговли Англии с Россией через Архангельск и порты Белого моря во второй половине XVI века исключительный интерес к России стала проявлять Англия. В литературе и в жизни распространялись живописные подробности о Москве и Русском Севере: русские географические названия, особенности климата, торговая номенклатура. Рядовые англичане употре-

бляли слова «квас», «мед», «однорядка». О том, что знали англичане XVI—XVII веков о Московском государстве, о быте и нравах его жителей, можно судить по пьесам Шекспира и драматургов той поры, считает ученый. У Шекспира отмечено свыше десятка упоминаний «московитов» или «русских». Эпизоды, где присутствует русская тема, есть в пьесах «Бесплодные усилия любви», «Зимняя сказка», «Буря». «Русской экзотике» в пьесах Шекспира и ее толкованиям исследователями творчества драматурга посвящена большая статья. Отдельная статья посвящена и тому, как в Англии осваивался русский язык, а английский — в России. Огромный интерес в Западной Европе вызвали реформы Петра I, сформировавшие однозначно позитивный образ России, сложнее воспринималась екатерининская эпоха. М. Алексеев оставил обзор трудов и противоречивых взглядов французских философов эпохи Просвещения на Россию, занявшую важное место в их размышлениях, а также подробный анализ воззрений Вольтера на русскую литературу, историю и искусство, осветив и его полемику с Руссо, имевшего суровый взгляд на Россию. М. Алексеев пишет о том, как триумфальное вступление русской армии в Париж, помощь, оказанная Россией Австрии и Венгрии в подавлении революций, разгром польского восстания обусловили формирование мифа о русской угрозе, о полуазиатской стране, готовой потопить в крови ослабшую европейскую цивилизацию. Он рассказывает, как в западноевропейской печати отозвалось восстание декабристов, интерес к которому обнаружился под влиянием недостоверных поэтических преданий, вымыслов и легенд много позднее самого события, и делает обзор западноевропейской литературы, посвященной декабристам, останавливаясь подробно на поэме Шамиссо «Die Verbannten» («Ссылные»), созданной в пандан к поэме Рылеева «Войнаровский». С 1860-х годов столбцы европейских газет, журнальные страницы пестрели сообщениями о «русских нигилистах» и их трагических судьбах. Одной из любимых тем для нападок на Россию стали ужасы Сибири и русской тюрьмы. Русской каторге, «стране изгнания» — Сибири посвящались романы. Английский поэт Сюинберн в написанной в дантовских тонах оде «Россия» призывал к восстанию, революции и цареубийству. В России оду «не заметили». Роман Н. Чернышевского «Что делать?» на Западе рассматривали в параллели с романом Золя «Дамское счастье». М. Алексеев использует в своих очерках одну и ту же методику. В начале приводятся необходимые сведения о событиях русской истории, привлечших иностранных писателей. Затем высказывается гипотеза о том, каким образом им стали доступны эти сведения. И наконец, анализируется, как правило, неизвестный текст, в котором нашли отражение эти события, или, наоборот, текст широко известный, в котором русские реалии вызвали. Бессчетны пути познания России иностранцами. Поэтическое описание украинских казаков оставил французский поэт XVII века Сент-Аман, оказавшийся в Польше в разгар войны Хмельницкого с королем Яном-Казимиром. Монтень, путешествуя по Италии (1580—1581), встретил в Риме московского посла, направленного к папе Григорию XIII. Этот эпизод, вошедший в «Опыты» Монтеня, — немаловажное свидетельство об одном весьма темном эпизоде русской дипломатической истории. Немецкий поэт П. Флеминг, участник голштинского посольства в Москву и Персию, зиму 1634 года провел в Новгороде и по непосредственным впечатлениям создал поэму из жизни новгородских крестьян. «Приключения Робинзона в Сибири» Д. Дефо появились в результате тщательной работы писателя с доступными ему источниками. Воспоминания о декабристах оставили домашний врач М. Воронцова Р. Ли, жена британского дипломата леди Дисбрау, английский пастор Д. Патерсон, супруга английского художника Т.-У. Аткинсона, побывавшая у ссылных в Сибири.

Михаил Талалай. Сказания о Сицилии. Подвижники, паломники, путешественники. СПб.: Алетейя, 2023. — 140 с.: ил. — (Италия—Россия).

Неожиданная Сицилия. Впервые русскому читателю представлены агиографические сказания о местных святых, имевших в прошлом ярко выраженный византийско-восточный облик. Один из ликов Сицилии, утверждает Михаил Талалай, вне сомнения – греко-византийский. Христианство проникло на остров в апостольские времена: на Сицилии останавливался апостол Павел, а апостол Петр послал сюда своих первых миссионеров. В 535 году византийский император Юстиниан I объявил остров византийской провинцией. Сюда, спасаясь от мусульманской экспансии, бежали христиане Сирии, Египта, Палестины. Позднее на остров потянулись православные монахи и миряне, которых преследовали в родной Византии иконоборцы. В VIII–IX веках тут наступил расцвет византийской культуры, в том числе церковной, о чем свидетельствуют и многочисленные греческие имена святителей и преподобных той поры. В 827 году на острове высадился первый мусульманский десант, через полвека пали столичные Сиракузы, и только в конце XI века норманны выбили с Сицилии арабов. Примерно с этого времени началась латинизация островного населения. Во втором тысячелетии остров постепенно утрачивал свое богатое восточное наследие, но за первое тысячелетие его накопилось так много, что оно не могло полностью сгнить. И это не только внешнее, материальное наследие: древние соборы, святителища, монастыри, катакомбы и пещерные храмики, грандиозные мозаичные циклы в Палермо, Монреале, Чефалу, но и духовное: почитание священных образов и мощей, предания об аскезе монахов-калогеров, о чудесах мучеников и святителей. Всего в книге рассказано почти о трех десятках почитаемых на острове святителей, старцев, священномучеников: чудесные легенды, жития святых, совершаемые ими подвиги, мучительная кончина, мощи, в силу разных причин менявшие местонахождение, исчезающие и обретаемые вновь, и современные праздники, обычаи, обряды, связанные с почитанием местных святых. Например, в городке Лентини, что находится около Сиракуз, никогда не выносят из церкви изображения трех братьев-мучеников, даже реставрируют их исключительно внутри храма. Потому что однажды, когда образа трех мучеников потребовалось вынести из церкви, началось сильное землетрясение. Когда же образа вернули на прежнее место, землетрясение тут же прекратилось. Отрывочные сведения о сицилийских святых – таких, как Лев Катанский и девы-мученицы Агафия и Лукия, – проникли на Русь через Византию. Святитель Григорий Акрагантский попал в русские святцы благодаря св. Димитрию Ростовскому, подробно пересказавшему его житие. Все рассказы привязаны к конкретной местности. Сиракузы, где находится важная христианская святыня – катакомбы св. Иоанна Крестителя, – там почивали прежде мощи св. Маркиана, первого епископа Сицилии. Красочная Таормина. Мессина, у берегов которой заведуют двумя противоборствующими течениями, образуя водовороты, мифические сирены, чудовища Сцилла и Харибда. Городок Корлеоне, в котором более ста храмов, а его небесный патрон носит странное имя Леолука. Агридженто (Акрагант), где самое крупное строение – собор, возведенный в XI веке. Древние памятники вчера и сегодня. Вторая часть книги посвящена «русскому следу» на острове. Самые ранние свидетельства о посещениях русскими острова относятся к концу XVII века: это почти одновременные визиты сподвижников Петра I – Б. Шереметева, прибывшего с дипломатической миссией, и П. Толстого, желающего ознакомиться с военно-морским делом. Но только при правлении Екатерины II были установлены официальные

отношения с Неаполитанским государством, частью которого являлась Сицилия. Открывать для себя местные культурные богатства россияне начали в 1820-е годы и обнаружили здесь великолепные памятники не только античной Эллады, но и православной Византии. Визиты россиян в сицилийские города и веси представлены в хронологической последовательности в разделе «Книга посетителей». Десятки известных имен: аристократы, дипломаты, ученые, художники, писатели, поэты. Краткие очерки и выдержки из воспоминаний тех, кто их оставил: Сицилия глазами русских в XIX—XX веках. Особый акцент сделан на двух главных эпизодах в русско-сицилийских отношениях. Первый – это пребывание в Палермо императорской семьи в 1845–1846 годах. На протяжении четырех зимних месяцев здесь поправляла здоровье Александра Федоровна, супруга Николая I, который сопровождал ее. В снимаемой царской семьей вилле Оливуцца была обустроена православная церковь. Одним из неявных следствий этого визита стал отказ королевства Обеих Сицилий вступить в Крымскую войну против России, несмотря на сильное давление Англии и Франции. В приложении помещен очерк И. Пашинской «Пребывание царской семьи на Сицилии». Важным событием в отношениях России и Италии стало героическое участие российского флота в спасении пострадавших от землетрясения в Мессине в 1908 году. Русские моряки с проходивших учение у берегов Италии кораблей «Адмирал Макаров», «Цесаревич» и «Слава» первыми бросились на помощь пострадавшим, в то время как итальянский флот и армия бездействовали несколько дней. Римский корреспондент М. Первухин в своих репортажах писал: «...русские не только помогали, они отдавали беглецам все, до собственной запасной рубашки включительно. В Палермо и Неаполе женщины и дети из погибших городов и сейчас щеголяют в матросских фуфайках, в матросских куртках, в офицерских тужурках. Немецких или английских вещей на беглецах нет». Один из спасенных, одетый в разнокалиберный костюм с русских плеч, говорил репортеру: «...мы знали, что русские хорошие люди. Но теперь мы знаем, что они – братья, что они лучшие в мире люди». В 2012 году в Мессине был торжественно открыт памятник российским морякам. Такая она, неожиданная Сицилия.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06, www.lavkapisateley.spb.ru)